

Лени Рифеншталь

Мемуары

Впервые на страницах «Известий» публикуются фрагменты «Мемуаров» едва ли не самой загадочной персоны XX века. Актриса, художник, кинорежиссер, человек, который большую часть своей жизни смыл с себя клеймо сотрудничества с нацистским режимом Адольфа Гитлера, — Лени Рифеншталь рассказывает о своей жизни. Вскоре девятисотстраничный том воспоминаний Лени Рифеншталь выйдет в издательстве «Ладомир».

Режиссер Лени Рифеншталь на съемках фильма «Олимпия», 1936

1904 1924 1929 1933 1935 1940 1973 1975

Конкурс красоты
В ладах для праздничных мероприятий берлинского Зоологического сада устраивали конкурс красоты. Отец проводил конец недели на охоте, так что мы с матерью могли посетить это шоу. Она шила мне красивое серебристо-зеленое шелковое платье, отороченное белыми лебедиными перьями. На тумбах для объявлений можно было прочесть, что в конкурсе примут участие звезды экрана и среди них Ли Парри, известная в то время киноактриса, яркая блондинка родом из Мюнхена. Театр и кино манили меня все больше и больше, а ведь я воспитывалась в строгих бюргерских правилах.

Залы оказались переполнены, пришлось протискиваться сквозь толпу. Никакого удовольствия это мероприятие, казалось, не предвещало. Все наступали друг другу на ноги, а то и дело мелькавшие перед глазами люди заслоняли сцену. До всех сторон протягивали карточки, которые я, однако, не брала, так как считала их лотерейными билетами, а мне не разрешалось брать ничего от посторонних людей. Меня в основном интересовали кинозвезды, которые должны были появиться на украшенном цветами подиуме. Лишь после того как удалось протиснуться поближе к сцене, я узнала, что девушки — обладательницы наибольшего числа карточек получат призы. Вот тут-то я и пожалела, что не брала записок, теперь я от них не отказывалась. Вдруг заиграли туш, и какой-то господин на сцене попытался установить тишину.

— Да, получивших больше двадцати записок, — воскликнул он, — прошу подняться на подиумки.
Я с волнением пересчитала свои бумажки — их было даже больше, чем требовалось, — и ослепленная светом прожекторов поднялась на сцену. Снизу мне под ноги продолжали бросать записки, столько, что я даже не могла все их собрать и удержать в руках. Рядом со мной стояло еще тридцать молодых девушек. Снова заиграли туш, и начался окончательный подсчет голосов.

Первый приз, как и ожидалось, получила блондинка Ли Парри — в белом тюлевом платье с серебристыми блестками. Второй приз — я думала, что провалюсь сквозь землю, — достался мне. Раздались бешеные аплодисменты, меня стащили со сцены и, к ужасу матери, понесли на руках через зал. Больше толкотни я боялась вспыхивать аппаратов репортеров. Боже, что будет, если отец увидит в газетах мою фотографию!

Прогнившие цветы и карточки, многие интересовавшиеся, как меня зовут, и просили дать адрес. С большим трудом удалось выбраться из толпы. Совесть у нас с матерью была нечиста, но, к счастью, отец ни тогда, ни позже так ничего и не узнал.
Среди визиток мне бросились в глаза две, с очень известными именами. На одной значилось Ф. В. Кёбнер, на другой — Карл Фольмёллер, автор шпесы «Чудо», с большим размахом поставленной Максом Рейнхардом. Я знала, что драматург дружит с Рейнхардом. Кёбнер же был главным редактором популярного журнала мод, кажется, «Элегантная дама».

На своей карточке Фольмёллер приписал от руки: «С удовольствием познакомлюсь с вами и обещаю всяческую помощь».

Ему словно бы втирал Кёбнер: «Вы очень красивы, я помогу вам сделать блестящую карьеру».
Однажды во второй половине дня я попросила доложить о себе господину Кёбнеру, который жил в западной части города на первом этаже довольно необычного дома. Дверь открыла молодая девушка. Помещение, куда она ввела меня, показалось каким-то странным. Все стены были сплошь увешаны фотографиями — ни торсов, ни лиц, только ножки. Скоро в комнату вошел Кёбнер — стройный, довольно высокий, одетый небрежно, но стильно. Приветствуя меня, он улыбнулся как-то уж очень многозначительно. Я сразу настрожилась.

— Прелестная дева, приподнимите-ка вашу юбочку. Юбка моя и так была коротка.
— Пожалуйста, поднимите ее немного повыше, выше колен, — настаивал Кёбнер.
По глупости я послушалась его, но быстро опомнилась и гневно спросила:
— Что все это значит?
Он покровительственно ухмыльнулся и произнес, словно собирался сделать грандиозный подарок:
— Я устрою вам солидный номер в «Скале», если вы умеете танцевать так же хорошо, как хороши ваши ноги.
«Скала» был крупнейшим театром-варьете Берлина,

известным во всем мире своей интернациональной программой. Если господин Кёбнер полагал, что и от радости брошусь ему на шею, то он ошибался. Я раздумывала всего лишь минутку и столь же изумительно улыбнулась:

— Извините, господин Кёбнер, но у меня никогда не было намерения выступать в варьете, даже если оно столь знаменито, как «Скала». Я буду танцевать только в театрах и концертных залах.

Явно оскорбленный, он посмотрел на меня как на ненормальную:

— Ну что ж, тогда желаю больших успехов.

Он открыл дверь и выпроводил меня.

Визит к Фольмёллеру протекал совсем по-другому. Собственно, после встречи с Кёбнером мне больше не хотелось знакомиться ни с одним мужчиной из мира шоу-бизнеса. Но сотрудничество Фольмёллера с Максом Рейнхардом, чьи постановки в Немецком театре или в Камерном театре я старалась никогда не пропускать, все-таки подвигли меня на этот визит. Так, однажды во второй половине дня я оказалась на шюпалади Паризерплац, перед фееншебельным домом, совсем недалеко от Бранденбургских ворот, на той стороне, где десять лет спустя будет находиться канцелярия Геббельса.

Слуга ввел меня в красивую комнату с антикварной мебелью, тяжелыми коврами, дорогими картинами — все тут гармонировало друг с другом, здесь не было ничего лишнего или чрезмерного. Тихо, почти неслышно вошел доктор Фольмёллер. В этом интерьере он производил впечатление человека изысканного, словно пришедшего из эпохи барокко или рококо. У него было худощавое лицо, серые глаза и светло-каштановые волосы. Здороваясь, он поцеловал мне руку — впервые в моей жизни. Слуга подал чай и печенье. Фольмёллер предложил сигарету, от которой я отказалась.

— Можно предложить вам ликер? — Я вновь ответила отрицательно.

— Не выношу спиртного, от него кружится голова и хочется спать, — сказала я извиняясь.

— Вы всегда такая правильная?

Я покачала головой и ответила с усмешкой:

— Не думаю, только у меня другие слабости.

— И какие же?

— Я очень своевольная и часто делаю не то, чего от меня требуют, и к тому же очень недипломатична.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Иногда я говорю такое, что люди не хотят слышать.

— Но, глядя на вас, этого не скажешь. Вы производите впечатление кроткой женщины.

Потом разговор перешел на театр, танец и к моим планам на жизнь.

— Каким вы видите свое будущее?

— Я стану танцовщицей.

— А как и где вы собираетесь выступать?

— Как Импекховен, Герт, Вигмен. В концертных залах и на театральных сценах.

— У вас есть богатый друг, который это финансирует?

Я засмеялась:

— Мне покровитель не нужен, я и сама всего добьюсь.

Он с улыбкой прервал меня:

— Крошка фрейлейн Лени Рифеншталь — так ведь вас зовут? — вы кажетесь мне очень наивной. Вам нужен меценат, без него вы никогда не сможете чего-нибудь достигнуть. Никогда.

— Давайте спорить, — сказала я.

— Давайте, — согласился Фольмёллер и попытался обнять меня.

Я отстранилась, встала и направила к двери.

— До свидания, — холодно бросила я.

— Была рада поболтать с вами.

Он попытался удержать меня, но я быстро вышла. Перед дверью я обернулась:

— Обещаю вам — на мой первый вечер танца вы непременно получите приглашение.

И он получил его спустя полгода.

Лени Рифеншталь (Хелена Берта Амалия Рифеншталь, 1902–2003) родилась в семье богатого бизнесмена, была танцовщицей и художницей. С середины 1920-х снималась в фильмах компании Mountain Films Арнольда Фанка. В 1932 году сняла свой первый фильм «Голубой свет», в котором сама играла главную роль. Основала собственную производственную компанию Leni Riefenstahl Studio-Film. В 1934 году снимала партийную конвенцию нацистов в Нюрнберге (документальный фильм «Триумф воли», самый популярный в истории пропагандистский фильм). В 1938 году выходит шедевр Рифеншталь — «Олимпия» — фильм об Олимпийских играх 1936 года. В 1939 году Рифеншталь снимала вторжение Германии в Польшу в качестве фотожурналистки. В 1940–1944 годах — фильм «Тифлянд», немую знаменитую киноинженеру после Эжена д'Альбера. После Второй мировой войны Лени Рифеншталь почти четыре года находилась в заключении по обвинению в пропаганде нацизма и сотрудничестве с Гитлером. В 1952 году суд снял с нее обвинения в сотрудничестве с нацистами и присутствии при массовых казнях гражданских лиц в Польше в 1939 году. В 60-е годы Рифеншталь работала в Африке фотографом различных журналов и газет. В 71 год стала заниматься дайвингом и получила лицензию, заставив комиссию поверить, что ей на 20 лет меньше, к своему столетнему юбилею выпустила фильм «Подводные впечатления», созданный на материале 200 ее погружений. В 2001 году Лени Рифеншталь приехала в Россию на фестиваль «Послание к человеку».

Фильм об Эйнштейне

Во время обучения в танцевальной школе мне пришлось несколько раз делать большие перерывы. Я трижды ломала ноги. В первый раз после урока балета, поскольку знувшись на апельсиновой корке. Сломалась правая лодыжка. Правда, спустя три недели я уже снова репетировала. Второй перелом произошел через полгода. По пути со станции домой в темноте я оступилась, на сей раз не повезло левой лодыжке. Третья травма оказалась самой тяжелой. За день до этого в моей спальне покрасили пол. Чтобы не наступать на него, я попыталась одним большим прыжком с кровати попасть в прихожую, кровать отъехала назад, я потеряла равновесие и неудачно приземлилась — сломалась кость плюсны, и мне пришлось прервать обучение на целых шесть недель. Эти боли я ощущала еще много лет спустя.

Во время вынужденного отдыха моим главным занятием стало чтение. Теперь это были не сказки — я проглатывала книги Джека Лондона, Конан Дойля, Золя, Толстого и Достоевского. Любимым моим писателем был Бальзак. «Евгений Гранде» я перечитывала много раз. Стиль этого романиста похож на гениальную живопись. Ситуации, которые он описывает, живо вставали у меня перед глазами. Глубокое впечатление осталось также от произведений русских титанов — Толстого и Достоевского: «Война и мир» и «Братья Карамазовы».

Под впечатлением от прочитанного я стала устраивать в родительском доме спиритические сеансы, которые, как уверяли мои подруги, создавали особое настроение. Комната скудно освещалась свечами, мы сидели за круглым столом, взявшись за руки. Казалось, стол приходил в движение и приподнимался — мои подруги до сих пор верят в эти глупости. Я никогда не верила и потому не возвращалась к спиритизму, так же как и к астрологии, гадания по руке и на картах, хотя мистика меня всегда привлекала.

Принимать решения в зависимости от того, что скажут карты или гороскопы, неразумно — ведь нет никакой гарантии, что все это правда. Я предпочитаю прислушиваться к своему внутреннему голосу и нести ответственность за собственные поступки. Лотерейные игры и всякие пари я тоже никогда не принимала всерьез. Когда все решает случай, я — пас.

Однажды в кинотеатре на Ноллендорфплац я увидела фильм об Эйнштейне — его теория относительности стала для меня открытием. Без преувеличения скажу, что с того момента я очень выросла интеллектуально.

В тот период, когда я не могла танцевать, мне удалось сделать многое из того, на что раньше не находилось времени. Например, увидеться с Вилли Йеккелем: после каникул в Альгойских Альпах мы ни разу не встречались. В портретах я себя не узнавала. Он ведь был «современным» художником, который преобразует мур в иные формы. Я читала, что выгляжу ужасно. Картины же Ойгена Спиро, Эрнста Опплера и Лео фон Кёнига, наоборот, льстили мне. В неурядицах военного времени я смогла спасти только один — тот, на котором Ойген Спиро изобразил меня танцовщицей.

Первый мужчина

В двадцать один год я пережила первое любовное приключение. Мне не хотелось признаваться себе в этом, но чувства к Отто Фроитгейму становились все глубже и овладевали мной все больше, несмотря на то что я не видела его больше двух лет.

Многие мои подруги уже пережили любовные приключения, кто-то был помолвлен, а Алиса и вовсе успела выйти замуж. Только у меня одной еще не было ничего подобного. Со временем я даже начала считать это за недостаток, от которого следовало избавиться. Но как? В черед моих робких поклонников никто особой симпатии не вызывал. Мысли вопреки моей воле стал все больше занимать человек, перед которым я испытывала почти страх. Об этом я рассказала добродушному Гюнтеру Рану, самому пылко моему воздыхателю и другу Отто Фроитгейму. От Гюнтера я узнала, что

Фроитгейм живет теперь в Кёльне, где дослужился до заместителя начальника полиции города, однако продолжает содержать квартиру в Тиргартене и два раза в месяц приезжает в Берлин. Я начала осажать моего бедного друга просьбами устроить свидание с Фроитгеймом — приглашение на чай или что-нибудь в этом роде. Сделать это было совсем не просто, ибо такая встреча могла состояться только в конце недели, когда отец уезжал на охоту. Меня все еще строго оберегали.

Как же я волновалась, когда через несколько недель Гюнтер сообщил, что Отто Фроитгейм будет ждать меня в своей квартире. Только в это мгновение дошел до меня весь авантюризм задуманного и стало страшно. В свою тайну я посвятила уже опытную в любовных делах Алису и попросила совета.

— Прежде всего, — сказала она, — ты должна надеть красивое нижнее белье, в твоих шерстяных вещичках идти никак нельзя. Я одолжу тебе черный шелковый гарнитур.

Ровно в пять часов я с замирающим сердцем стояла перед домом на Раухштрассе. Широкая мраморная лестница с ковром, прижатым толстыми латунными прутьями, вела в бельэтаж. Медленно, очень медленно поднималась я по ступенькам. Позвонила. И вот в дверях появился мужчина, о котором я страстно мечтала в течение двух лет; свет падал так, что было невозможно рассмотреть его лицо. Он протянул мне руку и проговорил мягким глухим голосом, от которого мурашки пошли по коже: «Фрейлейн Лени, я ведь могу вас так называть, входите, очень рад возможности познакомиться». Потом он помог мне снять черное бархатное пальто, отлащенное искусственным горностаем. Я поправила прическу, затем вошла в гостиную, умело подобранное освещение которой создавало интимную обстановку, и опустилась в удобное кресло. Тем временем он налил мне чашку свежесваренного чая. Завязался разговор. Мы говорили о теннисе, танце и разных мелочах.

Смушение мое все усиливалось. Я знала, что мой собеседник на восемнадцать лет старше меня: тридцать девять лет — по моим тогдашним представлениям, уже пожилой мужчина. Чем дольше он меня рассматривал, тем сильнее мной овладевало беспокойство, особенно когда его взгляд падал на ноги. Больше всего хотелось встать из-за стола и убежать. Звучала граммофонная пластинка с мелодией танго. Без всякого сопротивления я, словно загипнотизированная, прошла с ним и танце несколько шагов — мои мечты и страстные желания исполнились. Вдруг Фроитгейм высоко поднял меня и бережно положил на кушетку. Ощущение счастья как ветром дуло, я почувствовала лишь страх, страх перед чем-то неизвестным. Отто почти сорвал с меня одежду и попытался быстро овладеть мной.

То, что я пережила, было ужасно. Это и есть любовь? Я не ощущала ничего, кроме боли и разочарования. Как далеко это было от моих представлений и желаний. Я позволила свершиться всему и уткнулась заплаканным лицом в подушку. Он бросил мне полотенце и проговорил, указывая на дверь в ванную:

— Там ты можешь помыться.

Стоя от стыда и унижения, пошла я в ванную, громко зарывалась. Чувство ненависти переполняло мою душу.

Когда я возвратилась в комнату, Отто был уже одет. Посмотрев на часы, он равнодушно произнес:

— У меня договоренность о встрече.

Затем сунул мне в руку двадцатидолларовую банкноту — целое состояние по тем временам:

— На случай, если забеременеешь. Это позволит тебе избавиться.

Я разорвала купюру и бросила ему под ноги.

— Ты — чудовище! — закричала я и, словно спасаясь бегством, покинула квартиру. Во мне кипели отчаяние, бешенство и стыд.

На улице было промозгло и туманно. Блуждая по улицам, я дошла до канала Ополчения, находившегося поблизости, и несколько часов простояла, уставившись на воду. У меня было одно желание — умереть. Присшедшее было ужасным, я думала, что не смогу жить дальше.

Однако холод и сырость стали понемногу возвращать меня к действительности. Поздно вечером я приехала в Цойтен к родителям и той же ночью написала Фроитгейму письмо — о любви, перешедшей в безграничное отвращение.

Лени Рифеншталь в Долomiteх на съемках фильма «Большой прыжок», 1927